

Н. А. Савинова

**СОЦИАЛЬНАЯ И ПЕРСОНАЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ
УГОЛОВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ:
К ВОПРОСУ О СПРАВЕДЛИВОСТИ**

Портфолио современных правовых дефиниций феномена справедливости различных школ права и парадигм, равно как и отображения ее в уголовном праве, пронизаны положениями, стремящимися к гуманизации уголовной ответственности, обеспечению надлежащего уголовно-правового обращения, обеспечения уголовно-правовой регламентацией надлежащей защиты прав человека [всех поколений]. Все подобные определения и подходы объединяются, по сути, декларативностью принципа справедливости, утрачивающим свое первоначальное значение в силу подавления принципа Верховенства Права принципом Верховенства Закона, сводя реализацию уголовно-правовых норм к технологическим конструкциям. Общая декларация принципа справедливости при таких условиях утрачивает первоначальное значение, принуждая международную и внутреннюю уголовно-правовую политику искать пути внедрения «справедливости» на уровне дерогации и ситуативного вливания новых конструкций в существующие уголовно-правовые нормы.

Революционная смена ведущих парадигм и изменение концепций уголовного права навряд ли могут привести к справедливому обращению или реализации принципа справедливости в целом для каждого случая применения уголовной ответственности [1], в особенности при условии отказа от социальной оценки значимости уголовно-правового нарушения на определенном этапе времени в определенном месте его совершения.

Основываясь на оценке и определении «объективной» установки внешнего проявления деяния в законе, а также самого лица и «субъективного» его отношения к содеянному, не только применяются, но и конструируются нормы большинства современных уголовных кодексов Европы и постсоветского пространства.

Существует ряд ситуаций, при которых оценка одного и того же деяния, совершенного по отношению к неоднородным жертвам неодинаковыми по социальному и интеллектуальному уровню преступниками, в различной по значимости криминогенной обстановке и т. д., влияют на социальную значимость такого деяния, а также персональную значимость содеянного для потерпевшего и виновного.

К примеру, лишение имущества одинаковой стоимости магната и пенсионера, с учетом лишь объективных и субъективных элементов состава деяния, приведет к одной и той же квалификации и, как следствие, необходимости назначения наказания в рамках соответствующей санкции. То есть ограбление беспомощного старика и миллионера фактически приравниваются, оцениваясь не по значимости, а по объему, к примеру, предмета хищения, что в полной мере и демонстрируется одинаковостью квалификации. Аналогично идентичные деяния человека, загнанного в угол низким уровнем жизни и бесчинствующего селебрити также получают идентичную квалификацию и, следовательно, повлекут одинаковое наказание.

Стоит ли скрывать, что еще более циничным будет выглядеть пример сравнения и неодинаковых оценок идентичных действий по отношению к разнородным [условно невиктимным] жертвам убийства. Так, лишение жизни одинокого человека и альтернативно кормильца многодетной семьи также имеет неодинаковое социальное значение. И хотя, безусловно, жизнь человека независимо от статуса и имущественного уровня всегда равно важна и посягательство на нее требует наказания, социальные последствия для семьи убитого многодетного отца и, следовательно, общества намного болезненнее, нежели принудительный уход человека, от которого не зависят выживание и развитие детей.

Однако тут слеп сам Закон, а не Правосудие. Не осуществляется ли в данном случае подмена понятий? Справедливо ли это? Отражает ли бездушная оценка реальную роль деяния в обществе и на индивидуальном уровне?

Значение любого деяния отображается в реальности и влияет на общество на микро-, мезо- и макроуровне. Наряду с объективными и субъективными элементами уголовного правонарушения, некоторые элементы значимости деяния для общества и личности влияют на оценку деяния, однако далеко не все, а лишь те, что отражены в нормативных формулировках. В основном, буквально они относятся к смягчающим или отягощающим наказание обстоятельствам. К примеру, совершение лицом преступления в отношении беременной женщины или малолетнего отягощает наказание, а стечение тяжелых семейных обстоятельств, вследствие которых виновный преступление совершил, наказание смягчает. Некоторые из подобных обстоятельств прямо отнесены к основаниям освобождения от уголовной ответственности: действия в условиях крайней необходимости, необходимой обороны и т. д., а виктимность поведения жертвы, выраженная в УК через, к примеру, эмо-

циональные состояния виновного, есть квалифицирующим признаком привилегированных составов убийства и телесных повреждений. Значимость деяния минимизируется с изменением обстановки, примирением виновного с потерпевшим.

Навряд ли найдется адвокат как со стороны виновного, так и со стороны потерпевшего, который согласится с тем, что все возможные обстоятельства социальной и персональной значимости содеянного могут быть институционализированы по отдельности. Ведь спектр обстоятельств, влияющих на значимость деяния, неисчерпаем — от обстоятельств семейного кризиса до революционных событий в государстве. Они зависят от ряда внешних и внутренних факторов, которые обуславливают изменчивость значимости при различных обстоятельствах окружающей обстановки, криминальности ситуации, виктимности [2].

Попытаемся выделить два уровня значимости уголовного правонарушения:

1) социальной значимости — объективной значимости деяния в обществе;

2) персональной значимости — субъективной значимости деяния для потерпевшего и виновного.

Социальная значимость уголовного правонарушения. Говоря о социальной роли уголовного права, следует напомнить слова А. Э. Жалинского об острой необходимости социального анализа в уголовном праве, предмет которого должен включать «опасности, связанные с выходом уголовного права за пределы социальных потребностей» [3, с. 14]. И в то же время, напоминая слова Э. Гидденса: «Что считать отклонением, зависит от времени и места; поведение «нормальное» при одном наборе культурных установок будет расценено как «отклоняющееся» при другом» [4, с. 150].

Следовательно, акцентируя внимание на социальной значимости, определим ее как измеряемое в негативных и позитивных (а в дальнейшем, возможно, балльных) значениях общественное отношение к совершенному деянию. *Социальная значимость представляет собой отражение в сознании общества, общественном мнении воздействия деяния и его последствий на социальные установки общества в определенном пространственно-временном отрезке.*

Градации социальной значимости может быть положительной и отрицательной. Базируясь на утверждениях П. А. Сорокина [5] и его последователей, заметим, и подвиг, и преступление есть девиации, с единственной разностью в знаке оценки обществом: в «+» или в «-», и оценка такой полярности и отмечается обществом — наградой или наказанием. Собственно, социальная значимость может выступать мериллом добра и зла в обществе и, следовательно, критерием определения преступного и героического, наказуемого и похвального.

Негатив и позитив противоправного поведения объективно может отразить фактически лишь его социальное значение, поскольку лишь

оно может продемонстрировать влияние деяния на социальные установки общества на определенном пространственно-временном отрезке. К примеру, деяние по сопротивлению полиции в стабильном состоянии общества есть преступным. Но в условиях народной революции сопротивление полиции, защищающей диктатора от народного гнева, обретает позитивную значимость и оценивается как подвиг.

Данная категория может соотноситься с объективными элементами состава правонарушения, поскольку характеризует влияние деяния на социальные установки общества, соответственно, отображаясь в нем, вызывая неприятие или признание общества.

Критерий социальной значимости деяния может выполнять одну из важнейших в уголовном праве доктринальную миссию, поскольку именно оно может стать дорогой определению соотношения категорий законности и справедливости — соответствия воздаяния деянию.

Говоря о социальной значимости деяния, следует предполагать, что данное понятие, как уже указывалось, соотносится с объективными характеристиками состава уголовного правонарушения. В системе объективных элементов состава правонарушения и, следовательно, в формуле квалификации социальное значение деяния может корреспондировать к объекту и объективной стороне правонарушения.

Возникает логичный вопрос: не может ли социальное значение включаться в систему элементов объективной стороны правонарушения? Ответ на данный вопрос кроется в сопоставлении функциональной нагрузки понятия «объективная сторона правонарушения» и, соответственно, понятия «социальное значение». Последнее может быть сопоставимо с такими категориями, как «общественная опасность», «вред», «ущерб» и т.д., в некотором роде вытекает из таких категорий. Ведь сама опасность, ущерб и вред есть «точки отсчета» социальной значимости: считаясь с серьезностью опасности, вреда общество и формирует свое отношение к определенной девиации. Однако категория социальной значимости не может подменять характеристики деяния и его последствий в конструкции объективной стороны, поскольку не определяет буквально критерии преступного, а может отображать суть реакции на такое деяние со стороны социума.

Позволим себе также предположить, что социальная значимость, в частности, может выступать критерием не лишь определений преступного и непроступного, а и разграничения уголовных правонарушений и преступлений. Собственно, именно она может быть мерилем неприятия, отторжения или, наоборот, приемлемости и похвальности в определенном обществе тех или иных девиаций [6, с. 223].

Следовательно, социальная значимость для конструкций любого неправового действия несет функцию «определения знака» — определения противоправного деяния позитивным или негативным, вредным или полезным для общества в заданном месте и в заданное время.

К тому же негативная оценка обществом определенных девиаций может иметь шкалу градации. Такая шкала предполагает наполнение ее объективными социально значащими критериями оценки деяния обществом по ряду параметров, определяющих отношение девиации к категориям уголовных правонарушений или преступлений, или позитивных девиаций — девиаций развития, как позитивной динамики.

Стоит предположить, что при таких условиях социальная значимость деяния при условии установления системной позитивной социальной оценки определенной криминализованной девиации должна приводить к декриминализации, освобождая уголовное законодательство посттоталитарных государств от инквизиционных норм уголовного права или норм, узурпирующих права граждан эгоистичной волей законодателя.

Персональная значимость уголовного правонарушения. Иной стороной оценки деяния есть персональная значимость правонарушения. Прямо или косвенно об этом неоднократно говорили наши коллеги [7; 8, с. 27]. Можно было бы говорить, что, как отражающая отношение лица, она должна была бы быть соотнесена с субъективными элементами состава правонарушения. Однако рассмотрим основные варианты персональной значимости деяния для участников уголовного правоотношения: потерпевшего и виновного.

Персональная значимость деяния для потерпевшего есть отображение отношения жертвы, а в случае ее гибели или утраты способности изъяслять свое отношение — лиц, признанных потерпевшими от определенного уголовного правонарушения, к совершенному деянию.

В современной доктрине уголовного права содержится ряд институтов, демонстрирующих, с той или иной степенью объективности, роль персональной значимости деяния для потерпевшего при применении уголовной ответственности. Преимущественно их описание осуществляется опосредованно — через отношение потерпевшего к посткриминальному поведению виновного. К таким стоит отнести примирение виновного с потерпевшим как основание освобождения от уголовной ответственности, поскольку оно в данном случае наиболее демонстративно: решение потерпевшего о прощении виновного является, по сути, отражением позитивного отношения к его посткриминальному поведению: компенсации, раскаянию и т. д. Но полна ли картина персональной значимости при таком подходе? Ведь, к примеру, умышленное уголовное правонарушение предполагает наличие ряда стадий его совершения, и, очевидно, что картина преступления, которую наблюдает потерпевший, отнюдь не ограничивается получением извинения и компенсациями причиненного вреда. Неосторожное преступление также существует в пространственно-временных координатах, в которых оно «живет», и потерпевший проходит эти координаты вместе с виновным.

Следовательно, *персональная значимость деяния для потерпевшего должна отражать все стадии деяния, а также до- и посткриминальное поведение виновного*. Но и этим она не может ограничиваться.

Обратим внимание, что в объем персональной значимости для потерпевшего от уголовного правонарушения необходимо включать и фактор виктимности поведения потерпевшего. Так, *провокационные, аморальные или противоправные действия потерпевшего должны учитываться в качестве элементов персональной значимости для потерпевшего от правонарушения наряду с оценкой самого деяния и посткриминального поведения виновного, поскольку лишь их совокупность демонстрирует полную картину отношения потерпевшего к деянию*.

Критерии виктимности должны соотноситься с объективными элементами состава преступления и влиять не только на определение персональной значимости, а и отражаться в характеристиках потерпевшего при установлении объекта и объективной стороны. Очевидно, что и *персональная значимость деяния для потерпевшего должна рассматриваться наряду с объектом, объективной стороной и социальной значимостью деяния как самостоятельная категория, включающая те элементы виктимности, которые влияли на совершение уголовного правонарушения*.

Персональная значимость деяния для виновного в свою очередь не может рассматриваться отдельно от вопросов вменяемости и виновности. И, следовательно, она соотносима с категориями субъективных элементов состава преступления. Однако она непосредственно связана с осознанием виновным реальной социальной значимости (и, соответственно, оценки его деяния социумом), как и персональной значимости содеянного для потерпевшего. Именно это отношение виновного к этим двум категориям дает возможность оптимизировать ответы на вопросы «почему такое правонарушение было совершено [виновным]?» и «а преступление ли это [в сознании виновного]?».

Под персональной значимостью деяния для виновного целесообразно понимать осознанное отношение виновного при совершении уголовного правонарушения к социальной значимости такого деяния и его персональной значимости для потерпевшего.

Литература и примечания

1. Tulyakov V. A. Criminal law and development [Электронный ресурс] / Vyacheslav A. Tulyakov // Сборник трудов по итогам Международной научно-практической конференции «Международное право развития: современные тенденции и перспективы» (Одесса, 17 июня 2015 г.). — О., 2015. — С. 14–19 — Режим доступа: <https://docs.google.com/viewer?a=v&pid=sites&srcid=b251YS5lZHUudWF8aW50bGF3fGd4OjVmZjYxY2Q0NDZmZGQ4MGQ4>.
2. Очевидно, что такая невозможность институционализации и обуславливает неисключительность списка обстоятельств, смягчающих наказание.

3. Жалинский А. Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ / А. Э. Жалинский. — 2-е изд. перераб. и доп. — М.: Проспект, 2015.
4. Гидденс Э. Социология / Э. Гидденс. — М.: Эдиториал УРСС, 1999.
5. Сорокинъ Питиримъ. Преступление и кара, подвигъ и награда. Социологический этюдъ объ основныхъ формахъ общественнаго поведения и морали / П. Сорокинъ; съ предисловіемъ проф. М. М. Ковалевскаго. — СПб.: Изд. Я. Г. Долбышева, 1914.
6. Уместно в данном случае напомнить позицию Я. И. Гилинского, фактически демонстрирующую грань допустимости преступности как девиации и одновременно социального феномена в определенном обществе: «Каждое общество имеет ту преступность (виды преступлений, их качественное своеобразие), «которую оно заслуживает», а корректнее — которая соответствует культуре данного общества, является ее элементом» (Гилинский Я. И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений»: монография / Я. И. Гилинский. — 3-е изд., испр. и доп. — СПб.: Изд. дом «Алеф-Пресс», 2013. — С. 223).
7. Баулин Ю. В. Значение общественного мнения и интересов потерпевшего при моделировании современной уголовной политики / Ю. В. Баулин // Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели: материалы VII Рос. конгр. уголов. права (31 мая — 1 июня 2012 г.). — М., 2012. — С. 581–584.
8. Туляков В. О. Кримінальне право сьогodenня: ренесанс ідей Ч. Беккарія / В. О. Туляков // Про злочини та покарання: еволюція кримінально-правової доктрини: матеріали Міжнар. наук.-практ. конф., присвяч. 250-річчю трактату Чезаре Беккарія (м. Одеса, 13 черв. 2014 р.) / МОН України, НУ ОЮА, ПРЦ НА ПрН України, Одес. від. ГО «Всеукр. асоц. крим. права». — О., 2014. — С. 13–28.

Аннотация

Савинова Н. А. Социальная и персональная значимость уголовного правонарушения: к вопросу о справедливости. — Статья.

В статье приводятся аргументы в пользу рассмотрения принципа справедливости с объективных позиций общества и субъективных позиций личности. Предлагается в оценочные категории справедливости, как гарантии прав человека и тренда уголовной юстиции, включать две составляющие: социальную и персональную значимость уголовного правонарушения при законодательной регламентации и практике применения.

Социальную значимость уголовного правонарушения, по мнению автора, следует рассматривать с позиций социальных ожиданий и социального запроса общества, как гаранта принципа справедливости при криминализации. Социальная значимость зависит от уровня общей, социальной и правовой культуры общества, в котором осуществляется оценка деяния как уголовного правонарушения и криминализация. Персональную значимость уголовного правонарушения предлагается оценивать как двуединство значимости деяния для жертвы преступления и виновного и соотносить их с объективными и субъективными элементами состава уголовного правонарушения.

Ключевые слова: справедливость, уголовное правонарушение, социальная значимость, персональная значимость, значимость для потерпевшего, значимость для виновного.

Анотация

Савинова Н. А. Соціальна і персональна значимість кримінального правопорушення: до питання про справедливість. — Стаття.

У статті наводяться аргументи на користь розгляду принципу справедливості з об'єктивних позицій суспільства і суб'єктивних позицій особистості. Пропонується в оціночні категорії справедливості, як гарантії прав людини і тренда кримінальної юстиції,

включати дві складові: соціальну та персональну значимість кримінального правопорушення при законодавчій регламентації та практиці застосування.

Соціальну значимість кримінального правопорушення, на думку автора, слід розглядати з позицій соціальних очікувань і соціального запиту суспільства як гаранта принципу справедливості при криміналізації. Соціальна значимість залежить від рівня загальної, соціальної і правової культури суспільства, в якому здійснюється оцінка діяння як кримінального правопорушення і криміналізації. Персональну значимість кримінального правопорушення пропонується оцінювати як двоєдність значимості діяння для жертви злочину і винного та співвідносити їх з об'єктивними і суб'єктивними елементами складу кримінального правопорушення.

Ключові слова: справедливість, кримінальне правопорушення, соціальна значимість, персональна значимість, значимість для потерпілого, значимість для винного.

S u m m a r y

Savinova N. A. Social and Personal Significance of Criminal Offence: to the Issue about Fairness. — Article.

The article makes the case for considering fairness principle from the objective standpoint of the society and subjective positions of personality. The author suggests that social and personal significance of criminal offence in their legislative regulation and enforcement practice are included as components in such evaluative categories of fairness as the guarantee of human rights and the trend of criminal justice.

The article argues that social significance of a criminal offence should be considered from the viewpoint of social expectations and demand of the society as the guarantor of the fairness principle in criminalization. Social significance depends on the level of general, social and legal culture of the society in which considering of an act as a criminal offence and criminalization take place. It is suggested in the article that personal significance of a criminal offence should be viewed as the double unity of significance of offence for the victim and the perpetrator. Personal significance of an act directly affects corpus delicti.

Keywords: fairness, criminal offence, social significance, personal significance, significance for victim, significance for perpetrator.

ЗМІСТ

<i>С. В. Ківалов, Ю. Є. Полянський, В. В. Долежан, Н. М. Бакаянова, О. Г. Свида</i> Проблеми конституційного і законодавчого регулювання процесів реформування судової влади та суміжних інститутів в Україні	5
<i>Ю. М. Оборотов, В. В. Завальнюк, О. С. Мельничук, К. В. Горобець, Ю. В. Хижняк</i> Міська правова система як відображення цілісності міського права (на прикладі деяких українських міст)	25
<i>О. М. Кібік, О. П. Подцерковний, В. О. Котлубай, Ю. В. Хаймінова, Ю. З. Драпайло, Ю. П. Постоленко, О. О. Брагарник, М. С. Козолуп</i> Організаційно-правові передумови інтенсифікації експортної діяльності в Україні	70
<i>В. В. Тищенко, Ю. П. Аленін, О. П. Ващук, А. В. Мурзановська, О. О. Торбас, Ю. М. Немно, А. О. Панасюк, М. В. Шкрибайло, О. А. Земляна</i> Теоретичні та практичні проблеми забезпечення ефективності досудового провадження	106
<i>О. І. Харитонова, Г. О. Ульянова, А. В. Кирилук, Ю. Ю. Симонян, Н. П. Бааджи, Д. Д. Позова, Г. І. Григор'янц, Л. І. Бурова, І. В. Мартинюк</i> Проблемні питання визначення правової природи і структури правовідносин інтелектуальної власності, що виникають у мережі Інтернет	159
<i>Г. І. Чанишева, І. В. Лагутіна, Є. В. Краснов, О. А. Трюхан, М. В. Сорочишин, Б. А. Римар, О. С. Кайтанський, А. О. Медвідь</i> Місце трудових та соціально-забезпечувальних прав у системі прав людини	201
<i>Є. О. Харитонов</i> Методологічні засади дослідження проблем правової адаптації України до внутрішнього ринку ЄС	232
<i>К. Г. Некіт</i> Трастовий фонд за Проектом загальної довідкової схеми (DCFR): до питання гармонізації законодавства України та ЄС	271
<i>І. В. Гловюк</i> Функціональна спрямованість діяльності прокурора у досудовому провадженні: проблеми визначення	278
<i>Є. Ю. Полянський</i> Правова доктрина як базисна концепція права: природа, структура, значення	297
<i>И. И. Чугуников</i> Объект преступления в современной уголовно-правовой науке: традиции и новации	314

<i>Н. А. Савинова</i>	
Соціальна и персональна значимість уголовного правонарушення: к вопросу о справедливости	348
<i>Д. Г. Михайленко</i>	
Обмеження принципу презумпції невинуватості нормою про незаконне збагачення в Україні: соціальна обумовленість та тест на пропорційність	356
<i>А. С. Макаренко</i>	
Співвідношення формальних та дискреційних засад на різних рівнях пеналізації злочинних діянь	401
<i>О. Л. Гуртовенко</i>	
Питання зворотної дії у часі українських кримінально-правових положень стосовно відмови України від смертної кари	430
Довідка про авторів	440

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ УКРАЇНИ

Національний університет
«Одеська юридична академія»

НАУКОВІ ПРАЦІ

НАЦІОНАЛЬНОГО УНІВЕРСИТЕТУ
«ОДЕСЬКА ЮРИДИЧНА АКАДЕМІЯ»

Том XVII

Одеса
«Юридична література»
2015

Н 34 **Наукові праці** Національного університету «Одеська юридична академія». Т. XVII / редкол.: С. В. Ківалов (голов. ред.) [та ін.] ; відп. за вип. М. В. Афанасьева. — Одеса : Юридична література, 2015. — 448 с.

Укр., рос. та англ. мовами.

ISBN 978–966–419–238–2.

У збірнику наукових праць Національного університету «Одеська юридична академія» опубліковано статті провідних вчених університету, які відображають вагомі досягнення, здобуті у межах фундаментальних і прикладних наукових досліджень, що проводяться в університеті та фінансуються Міністерством освіти і науки України за рахунок коштів державного бюджету.

У збірнику також містяться статті відомих правників з інших закладів України, в яких розкриваються окремі аспекти зазначених вище фундаментальних і прикладних НДР, які виконуються в університеті.

Збірник розрахований на наукових працівників, викладачів, докторантів, аспірантів, студентів вищих навчальних закладів, а також юристів, які цікавляться тенденціями розвитку правового життя сучасного суспільства.

ББК 67(4Укр-2Од)я43
УДК 34(477-25Од)(082)

Наукове видання

НАУКОВІ ПРАЦІ

Національного університету
«Одеська юридична академія»

Том XVII

*Українською та російською
мовами*

Редактор-коректор *Н. І. Крилова*
Технічний редактор *Т. В. Іванова*

Підписано до друку 01.10.2015. Формат 70×100¹/₁₆. Папір офсетний.
Гарнітура Літературна. Друк офсетний. Ум. друк. арк. 36,4.
Тираж 150 прим. Зам. № 198.

Видавництво і друкарня «Юридична література»
65009, м. Одеса, вул. Піонерська, 7. Тел. 777-48-79
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи
ДК № 4284 від 23.03.2012 р.

УДК 34(477-25Од)(082)
ББК 67(4Укр-2Од)я43
Н 34

У збірнику наукових праць Національного університету «Одеська юридична академія» опубліковано статті провідних вчених університету, які відображають вагомі досягнення, здобуті у межах фундаментальних і прикладних наукових досліджень, що проводяться в університеті та фінансуються Міністерством освіти і науки України за рахунок коштів державного бюджету.

У збірнику також містяться статті відомих правників з інших закладів України, в яких розкриваються окремі аспекти зазначених вище фундаментальних і прикладних НДР, які виконуються в університеті.

Збірник розрахований на наукових працівників, викладачів, докторантів, аспірантів, студентів вищих навчальних закладів, а також юристів, які цікавляться тенденціями розвитку правового життя сучасного суспільства.

Редакційна колегія:

С. В. Ківалов, д-р юрид. наук, проф., акад. НАПрН України (*головний редактор*);

М. В. Афанасьєва, д-р юрид. наук, доцент (*заступник головного редактора*);

Ю. П. Аленін, д-р юрид. наук, проф.;

М. Р. Аракелян, канд. юрид. наук, проф.;

Л. Р. Біла-Тіунова, д-р юрид. наук, проф.;

М. А. Дамірлі, д-р юрид. наук, проф.;

Є. В. Додін, д-р юрид. наук, проф.;

В. М. Дрьомін, д-р юрид. наук, проф.;

В. В. Завальнюк, канд. юрид. наук, проф.;

І. І. Каракаш, канд. юрид. наук, проф.;

Ю. М. Оборотов, д-р юрид. наук, проф.;

М. П. Орзіх, д-р юрид. наук, проф.;

О. П. Подцерковний, д-р юрид. наук, проф.;

Ю. Є. Полянський, канд. юрид. наук, проф.;

В. В. Тищенко, д-р юрид. наук, проф.;

В. О. Туляков, д-р юрид. наук, проф.;

Є. О. Харитонов, д-р юрид. наук, проф.;

О. І. Харитонова, д-р юрид. наук, проф.;

Г. І. Чанишева, д-р юрид. наук, проф.

Відповідальний за випуск

доктор юридичних наук, доцент

М. В. Афанасьєва

Постановою Президії ВАК України № 3-05/10
від 6 жовтня 2010 р. збірник внесено до списку фахових видань
(юридичні науки).